

Е. А. КРЕЙНОВИЧ (Ленинград)

О НЕКОТОРЫХ ЮКАГИРСКО-УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Проблема юкагирских связей с самодийскими и уральскими языками, впервые поставленная в исследованиях Б. Коллиндера (Collinder 1940, 1965; Bouda 1940), не может считаться упраздненной, несмотря на все возражения, в том числе и наши (Sauvageot 1969; Uesson 1970; Крейнович 1958).

Исходя из изучения связей нивхского языка с тунгусо-маньчжурскими, сложившихся в результате длительных контактов их носителей в одном географическом ареале, мы предположили, что и юкагирско-самодийские языковые связи сформировались подобным образом, т. е. в результате длительного сосуществования их носителей, которое впоследствии прекратилось. Ведь разрыв связей между нивхским и тунгусо-маньчжурским языками неизбежно породил бы предположение о наличии генетического родства между ними, хотя такового не существовало (Крейнович 1955). Между тем дальнейшее исследование тундреного и колымского диалектов юкагирского языка навело нас на мысль, что юкагирско-самодийские и, возможно, юкагирско-уральские языковые сходства сложились не на контактной почве, а носят черты более глубоких связей.

На такой ход размышлений натолкнуло раскрытое нами деление основ знаменательных слов юкагирского языка на два фонетических класса — I и II. В существительном и глаголе оно проявляется несколько различно. Основы глаголов I класса оканчиваются на гласный, II — на согласный. С наибольшей отчетливостью это деление выявляется в словоформах императива колымского диалекта.¹

Показателем императива во 2-м лице ед. числа в юкагирском языке служит суффикс *-k*, который Б. Коллиндер сближает с таким же прауральским показателем (Collinder 1940: 58). В тундреном диалекте императив образуется при помощи этого суффикса от основ обоих классов: *έik* 'живи' (*εd'i* 'жил-он'), *monk* 'скажи' (*mon|i* 'сказал-он'); *aik* 'стреляй' (*ai|m* 'выстрелил-он'). В колымском же диалекте от основ I класса императив образуется посредством суффикса *-k ~ -q*: *midoq* 'кочуй' (*mido|j* 'кочует'); *midaq* 'начни кочевать' (*mida|j* 'начал кочевать'); *εgiεk* 'веди' (*εgiε|m* 'вел'). В случае II класса (непроизводные и производные основы) он выражается одной основой, без суффикса *-k*.

¹ Современный юкагирский язык принято делить на два диалекта: тундреный (Т) и колымский (К). В сущности их следует считать отдельными языками наряду с исчезнувшими юкагирскими языками чуванским и омокским.

Примеры на непроеизводные основы: *ei* 'живи' (*ei* 'жил-он'), *mon* 'скажи' (*mon* 'сказал-он'), *toq* 'отрежь' (*toq* 'отрезал-он'). Примеры на производные основы, оканчивающиеся глаголообразующими суффиксами *-t* и *-š*: *pieđet* 'зажги' (*pieđet* 'зажег-он'), *amđet* 'постели' (*amđet* 'постелил-он'), *lolxoš* 'вскипяти' (*lolxoš* 'вскипятил-он'), *ñäteš* 'наточи' (*ñäteš* 'наточил-он'). От глаголов с корневыми основами, указывающими на качество, императив образуется при помощи суффикса *-n*: К *kejben* 'утончи' (*kejbe|j* 'тонкий', *kejbe|žem* 'утончил-он'). Формы императива, записанные нами в 1959 г. в пос. Нелемное на р. Ясачной от колымских юкагиров, расходятся с соответствующими данными В. И. Иохельсона.

По мнению уралистов, суффикс императива *-k* в одних финно-угорских языках сохранился, в других исчез. В результате исчезновения данного показателя форма 2-го лица совпала с основой глагола. К этой группе языков относятся такие, как марийский, в основном прибалтийско-финские, саамский, пермские, мансийский (Серебренников 1964 : 142).

Мы не осмеливаемся утверждать, что во II классе глагольных основ колымского диалекта показатель императива исчез. В таком случае, вероятно, он должен был бы исчезнуть и в основах I класса. Возможно, что к основам с исходом на согласный он вообще не присоединялся.

Признано, что в финно-угорском праязыке корневая основа знаменательного слова была двусложной и оканчивалась на гласный *e* и *a ~ ä* в зависимости от переднерядного или заднерядного вокализма основы. Ими же соответственно оканчивались и суффиксы (Основы 1974 : 192, 197). Впоследствии в некоторых финно-угорских языках либо частично, либо полностью конечные гласные отпали и образовались основы с исходом на согласный. К ним относятся, например, языки венгерский, хантыйский, мансийский и др. (Основы 1974 : 202). К ним же, вероятно, надо отнести и самодийские языки. В селькупском и нганасанском языках основы слов делятся на два класса: с исходом на гласный и с исходом на согласный. В ненецком и энецком же языках это деление осложнено классом основ, оканчивающихся гортанным смычным, образовавшимся на месте выпавших согласных (Языки 1966 : 400, 421, 379, 442).

Если относить юкагирский к уральским языкам, то надо предположить, что и он был частично подчинен процессу утрачивания гласных основы, поскольку в нем тоже обнаруживаются классы основ с исходом на гласный (*asi-* 'тянуть', *moro-* 'одеть' и др.) и согласный (*šar-* 'зарыть', *pat-* 'варить' и др.).

Процесс отпадения некоторых конечных гласных в юкагирском языке устанавливается на основе сопоставления его слов с некоторыми уцелевшими словами исчезнувшего чуванского языка: ср. чуван. *xaŋla*, юкаг. *qojl* 'бог', чуван. *čulo*, юкаг. *tul* 'мясо' и др. (Матюшкин 1841; TAILLEUR 1962 : 65, 69). Однако трудно утверждать, что слова и основы с исходом на согласный возникли в юкагирском только в результате отпадения гласных. Лишь недавно было высказано мнение о возможности существования в древних волжских финно-угорских языках (и даже в прибалтийско-финском праязыке) односложной именной основы с исходом на согласный (Ganschow 1971). Предполагается также, что в прамордовском языке имелись уже глагольные основы с исходом на согласный (Надькин 1975).

Примечательно, что в юкагирском обнаруживаются не только непроеизводные основы с гласным и согласным исходом, но и два ряда

вариантных суффиксов, назначение которых состоит только в том, чтобы формировать производные основы с таким же исходом. В I классе суффикс имеет структуру CV, во II — C, за которым может следовать соединительный гласный *u*, если к консонантной основе присоединяется суффикс такого же рода (К *met tow* 'я закрыл', но *tudel tog|u|*m** 'он закрыл'). Это обстоятельство говорит о том, что рассматриваемое деление основ в юкагирском языке имеет глубокие корни.

Вариантные ряды упомянутых суффиксов

	Колымский диалект		Тундреный диалект	
	I класс	II класс	I класс	II класс
Множественное число	-pe ²	-pul, -p-	-pe	-pul, -p-
Комитатив	-ñe	-ñ- ~ -n-	-ñe-	-ñ- ~ -n-
Увеличительная форма	-tege	-tke	-tege η	-tke η
Интранзитивность	}	-d- ~ -t-	-re-	-r-
Недавнее приобретение предмета				
Транзитивность	}	-š-	-te-	-t-
Снабжение кого-либо предметом				
Давнее обладание	-ñe-	-ñ-	-ñe-	-ñ-
Транзитивность	-že-		-se-	
Длительность и многократность	(-ji-)	-t-, -š-	(-i-, -ji-)	-s-

В колымском диалекте такие, например, слова, как *taša* 'старший брат', *emei* 'мать', *pulut* 'старик', сочетаются с суффиксом множественного числа *-pe*, а слова *šoroto* 'человек', *emde* 'младший брат; младшая сестра' — с суффиксом *-pul* (здесь к *-p-* присоединяется соединительный гласный *u* и как бы поддерживающий его суффикс *-l*, не несущий логического ударения (Крейнович 1958 : 117, 152)).³ Аналогично этому *nume* 'жилище', *aŋa* 'рот' и т. п. можно сочетать лишь с увеличительным суффиксом *-tege*, а *atε* ~ *āša* 'олень', *aŋde* 'глаз' — с увеличительным суффиксом *-tke* (здесь в первом слоге *-ε-* выпал). Тожественно этому слова *taša* 'старший брат', *emei* 'мать' и т. д. сочетаются лишь с суффиксом комитатива *-ñe-*, а *āše* 'олень' и т. д. — с суффиксом комитатива *-ñ- ~ -n-*, к которому следующий суффикс (за исключением показателя причастия *-de*) присоединяется посредством соединительного гласного *u*; ср. *numuđiñet eprej* 'с топором (топор имеючи) ходит' (*numuđi* 'топор'), *ejeñut eprej* 'с луком (лук имеючи) ходит' (*eje* 'лук').

Основы существительных также делятся на два класса — I и II. I класс включает два подкласса: 1-й — основы на гласный и 2-й — основы на согласный: Т *-l, -l-, -n, -r*; К *-l, -l-, -n, -t* (который может опускаться).

Внешние материальные приметы, на основе которых можно было бы отнести, например, существительные Т *ile|η*, К *atε* ~ *āša* 'олень',

² Если согласиться с О. Тайером, что юкагирский представляет собой самую восточную ветвь уральских языков (Tailleur 1959 : 405—406), то в формантах I класса заманчиво усмотреть следы уральских *e*-овых основообразующих суффиксов (Основы 1974 : 197), но это лишь предположение.

³ В тундренном диалекте отмечается уже некоторое нарушение этого принципа, особенно в отношении показателей множественного числа.

Т *lāme|η ~ lāma|η* 'собака', К *mure* 'обувь' к I или II классу, в современном языке уже исчезли. Основы этих существительных оканчиваются гласным. И тем не менее их класс твердо определяется по двум приведенным вариантным рядам именных и глагольных основообразующих суффиксов. Покажем это на примере образования производных глаголов от основ I класса К *mure* 'обувь' и *āte ~ āsa* 'олень':

<i>tudεl muredε j</i>	<i>tudεl āted i</i>
'он обзавелся обувью'	'он обзавелся оленем'
<i>tudεl muredε t i</i>	<i>tudεl ātet tε j</i>
'он обзаведется обувью'	'он обзаведется оленем'
<i>tudεl mureε m</i>	<i>tudεl āteš u m</i>
'он снабдил (кого-то) обувью'	'он снабдил (кого-то) оленем'
<i>tudεl mureε t u m</i>	<i>tudεl āteš tε m</i>
'он снабдит (кого-то) обувью'	'он снабдит (кого-то) оленем'
<i>tudεl mureń j</i>	<i>tudεl āteń i</i>
'он имеет обувь'	'он имеет оленя'

В настоящее время трудно объяснить, почему основа *mure* образует производные основы с открытым слогом (*muredε-*, *mureε-*, *mureń-*), а основа *āte ~ āsa* — с закрытым (*āted- ~ ātet-*, *āteš-*, *āteń-*). Если бы можно было доказать, что во втором случае конечный *ε* всегда восходит к *a*, то объяснение, вероятно, нашлось бы. Несомненно, что в прошлом какие-то фонетические особенности в таких основах существовали, но теперь они утратились. Встречаются единичные основы, сочетающиеся с обоими рядами суффиксов, но в таких случаях производные основы выражают разное значение: Т *tinite|re|t* 'потемнело (внезапно)', *tinite|r|i* 'стемнело' (<*tinite|l* 'темнота, ночь') и др.

Для сравнения приведем производные от существительных глаголы в ненецком языке (*tj* > *té* 'олень' — основа I класса, *hān* 'нарта' — II класса):

<i>tér na</i> '(он) обзавелся оленем'	<i>hānor na</i> '(он) обзавелся нартой'
<i>tér ta</i> '(он) обзаведется оленем'	<i>hānor ta</i> '(он) обзаведется нартой'
<i>téta da</i> '(он) снабдил его оленем'	<i>hānda da</i> '(он) снабдил его нартой'
<i>téta ngu da</i> '(он) снабдит его оленем'	<i>hānda ngu da</i> '(он) снабдит его нартой'
<i>tésaβej</i> '(он) имеет оленя'	<i>hānsaβej</i> '(он) имеет нарту' ⁴

Из сравнения парадигм следует, что основообразующие суффиксы со значением приобретения предмета *-re- ~ -r-* в юкагирском и *-r- ~ -(o)r-* в ненецком языках тождественны. Подобно этому тождественны и основообразующие суффиксы со значением снабжения кого-либо предметом: *-te-* в юкагирском и *-ta- ~ -da-* в ненецком. Тождественны и показатели будущего времени: *-te- ~ -t-* в юкагирском и *-ta-*, *-t-* в ненецком, *-t-* в энецком (Tailleur 1959 : 411; Языки 1966 : 386, 449).

Что касается форм со значением постоянного обладания предметом, то в юкагирском они образуются посредством суффикса *-ńε ~ -ń-*, а в ненецком — *-saβej*. Однако в ненецком языке имеется показатель формы совместности *-ńa-* (Терещенко 1947 : 92), с которым отождест-

⁴ Словоформы этих глаголов записаны от ненки Галины Тайбарей из Большеземельской тундры. Правильность этих записей проверена Н. М. Терещенко, которой автор выражает благодарность за консультации по некоторым вопросам, касающимся самодийских языков.

вляется юкагирский суффикс (Collinder 1940 : 36; ср. Angere 1956 : 66).

Таким образом все основообразующие форманты и показатели времени, за исключением ненецких показателей обладания *-saβej* и будущего времени *-ŋgu-*, оказываются в сравниваемых языках одинаковыми.

Обращает на себя внимание еще одно поразительное материальное совпадение в рассматриваемых языках. Непереходные глаголы со значением 'быть кем-либо' образуются в юкагирском языке от основ существительных посредством основы вспомогательного глагола *ŋo- ~ o-* 'быть', сливающихся, по нашему мнению (особенно в тундренном диалекте), в одно слово: Т *amāŋoi* 'он отец (букв. отец есть-он)'.⁵ В ненецком языке имеется тождественная основа *ŋe|ś* 'быть' (эн. *e-* 'быть', сельк. *ē|qo* 'быть'; Терещенко 1973 : 159—162), материально и семантически совпадающая с юкагирской. В отличие от юкагирского в ненецком языке при помощи этой основы образуется составное именное сказуемое, в котором каждый компонент приобретает личное оформление: Мань *летчикадм нэнггудм* 'Я буду летчиком' (Куприянова, Хомич, Щербакова 1961 : 200). Тем не менее в юкагирском и ненецком языках выступает одна и та же основа вспомогательного глагола.

В тундренном диалекте юкагирского языка значение 'стать кем-либо' образуется от основы существительного посредством сложного компонента *-ŋola-*: туŋ *rajpeŋ mekædeŋolaj* 'эта женщина человеком стала (т. е. превратилась в человека)'. В колымском диалекте это значение образуется аналитическим способом: основой существительного, которая соединилась с основой вспомогательного глагола *ŋo* 'быть', оформляемого суффиксом *-t*, и самостоятельным вспомогательным глаголом *kude-* 'становиться кем-либо, чем-либо': К *tinātaŋ*⁶ *tódi ádīlŋot kúďai* 'тот зуб в юношу превратился' (Иохельсон 1900 : 45).

Таковыми же материальными средствами и точно такой же синтаксической конструкцией выражается это значение в ненецком языке: *небядо тиртяŋэ хая* 'их мать птицей обернулась (т. е. птицей стала)' (Терещенко 1965 : 803). Следует отметить, что юкаг. *и* в ряде случаев соответствует нен. *a* (юкаг. *mure* 'обувь', нен. (ям.) *mada* 'пимы без узора'; юкаг. *aru*, нен. *βada* 'слово' и др.).

Ознакомимся теперь с тем, как образуются основы глаголов от некоторых основ со значением качества. Основы глаголов со значением 'стать кем-либо' образуются от качественных основ при помощи суффикса *-mi-*: К *jukumi|j* 'стал маленьким', *juko|j* 'быть маленьким' и т. д. При помощи тождественного суффикса *-m-* в самодийских языках от качественных основ образуются основы глаголов с тем же значением. Суффикс *-m-* возводится к прауральскому языку (Основы 1974 : 368; Collinder 1940 : 43).

Обратим также внимание на основообразующий суффикс *-ne-*, посредством которого в юкагирском языке образован ряд слов со значением качества: Т *fitne|j* 'длинный' и т. д. При образовании глаголов от этих слов суффикс *-ne-* замещается основообразующим суффиксом *-ŋa-* ~ *-gē-*: Т *t'ut'эгэт'* 'удлинился', *t'ut'эгэрэ|м* 'удлинил' и т. д. (Крейнович 1968б : 447—448).

В ненецком языке есть группа слов со значением качества, образованных при помощи суффикса *-na-*, *-ńa-*: *няръяна* 'красный', *париденя* 'черный' и др. При образовании от таких слов глаголов суффикс *-na-* ~ *-ńa-* опускается и глагол формируется непосредственно от основы, как в юкагирском языке: *няръяльць* 'покраснеть' и др. (Терещенко 1947 :

⁵ В колымском диалекте вспомогательный глагол *ŋo-* может выступать как отдельное слово, особенно в сочетании с частицей *el*, выражающей отрицание.

⁶ По техническим причинам велярный назальный звук передан знаком *ŋ*.

122; 1965 : 359). Приходится признать, что рассматриваемый суффикс в юкагирском и ненецком языках материально и функционально тождествен. В ненецком языке он определяется как причастие. Можно полагать, что юкагирский непродуктивный суффикс *-ne-* восходит к ненецкому причастию. Вероятно, он сопоставим также с финским суффиксом *-nen* (Хакулинен 1958 : 105—106), мордовским *-ne*, *-nä* (Серебренников 1967 : 76), при помощи которых формируются прилагательные разных образований.

Обратим внимание на юкагирские глаголообразующие суффиксы *-ya-* ~ *-ge-*. Первый, по имеющимся в нашем распоряжении данным, присоединяется к основам с гласными заднего ряда *a*, *o* и второй — к основам с гласными переднего ряда *e*, *æ*. Гласные *i*, *u* выступают как бы нейтральными. Вероятно, эти варианты суффиксы являются следом существовавшей некогда в юкагирском языке гармонии гласных (возможно, уральского происхождения; Основы 1974 : 165). Их главная функция — образование производных глагольных основ от корневых основ с качественным значением.

Юкагирские суффиксы близки аналогичным суффиксам в некоторых финно-угорских языках. Марийский суффикс *-z-* ~ *-k-* также образует непереходные глаголы от основ с качественным значением: *кадыргаиш* 'искривиться' (*кадыр* 'кривой'); ср. вепс. *vilugandeb* 'морозится' (*vilu* 'холод'); вод. *apagoittā* 'стать кислым' от *apō* 'кислый' (Галкин 1966 : 114—115). В мордовском языке начальные *-ka-*, *-k-* в суффиксах *-kad(o)-*, *-ksom(o)-*, *-kstom(o)-*, *-ksn(ǝ)-*, вероятно, также могут быть сопоставлены с юкагирским, поскольку при их помощи от прилагательных образуются глаголы (Серебренников 1967 : 217—220; 222—223).

Укажем теперь на материальные и семантические сближения в области основообразования некоторых способов действия (ср. TAILLEUR 1959 : 414).

В тундреном диалекте юкагирского языка длительность и многократность действия выражается посредством суффиксов *-i-*, *-ji-*, *-iji-*, *-oji-*, *-uji-*, *-ti-*, *-rit(i)-* ~ *-dit(i)-*, *-di-*, а в колымском — *-ji-*, *-iji-*, *-uji-*: Т *porind|i|m* 'пинает' (*porindε|m* 'пнул'), *tadi|ji|m* 'дает' (*tadi|m* 'дал'), К *tula|uji|m* 'толкал' (*tula|aj|m* 'толкнул') и т. д.

Установлено, что в прауральском языке длительность и многократность действия выражалась посредством основообразующего суффикса *-i-* ~ *-j-*, следы которого обнаруживаются во многих современных финно-угорских языках (Основы 1974 : 363; TAILLEUR 1959 : 415), а также в юкагирском.

В юкагирском языке значение многократности основ II класса выражается посредством суффикса Т *-s-*, К *-t-*: Т *jataɣa|s|u|m*, К *jataɣa|t|u|m* 'выпрямлял'; ср. Т *jataɣa|re|j|m*, К *jataɣa|a|de|j|m* 'выпрямил'. В колымском диалекте имеется еще палатализованный вариант суффикса многократности *-ś-* с тем же значением: *ulte|ś|u|m* 'привязывает' (*ultem* 'привязал').

В некоторых финно-угорских языках суффиксами *-č-* и *-t-* (которые могут входить также в состав более сложных суффиксов) тоже выражается значение многократности и длительности действия: эрз. *морсемс* 'петь долго' (*морамс* 'петь'), морд. *нолсемс* 'слизывать, лизать' (*ноламс* 'слизнуть, лизнуть'); саам. *bawkotit* 'часто стрелять, хлопать' (*baw'ket* 'хлопнуть'); манс. *χajiti* 'бегает' (*χajti* 'бежит') (Основы 1974 : 359, 360, 362, 375).

Считается, что в юкагирском языке не сохранились следы финно-угорского аккузатива *-m*. Между тем в колымском диалекте есть суффикс *-me-* ~ *-mi-*, с помощью которого обозначается часть целостного

объекта (организма животного, человека), на который направлено действие. К этому форманту присоединяется еще суффикс дательного-направительного падежа *-ŋin*: К *met tudel noj|me|ŋin joxote* 'я в его ногу (*noj|l*) выстрелил'; ср. *met towkegi joxote* 'я в его собаку (*towke*) выстрелил' (*-gi* — притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа). Описываемое явление, вероятно, отражает еще то состояние финно-угорского языка-основы, когда в нем намечалось использование какого-то грамматического приема в целях противопоставления предмета полного охвата предмету частичного охвата (Основы 1974 : 389). Нам представляется, что колымско-юкагирский *-me- ~ -mi-* сближается с самодийским показателем аккузатива *-m-* и является, вероятно, следом финно-угорского аккузатива.⁷

Определенность и неопределенность объекта выражается противопоставлением существительного в именительном (основном) падеже существительному в отложительном падеже: Т *fozaje kīk* 'нож дай' (о каком ноже идет речь, известно), но *fozajekat kīk* 'нож дай' (букв. 'из ножа дай', т. е. какой-либо нож дай, так как о каком конкретно ноже идет речь, неизвестно).

Считается, что в юкагирских существительных не сохранилось праяуральских показателей множественного числа *t, n, i* (Angere 1956 : 88—90). Однако мы полагаем, что следы его содержатся в показателях многократного способа действия глагола *-i-* и *-t-*, так как убеждены, что первоначально многократность и длительность действия могли выражаться в глаголе показателями множественного числа существительных (Крейнович 1968а : 83; Tailleux 1959 : 415).

Об юкагирском показателе множественного числа *-pe-, -put* Б. Коллиндер отметил, что он не имеет соответствий в уральских языках (Collinder 1940 : 42). Мы указали, что он мог образоваться от юкагирского же Т *pojuon* 'быть многим', который мы сопоставляли с котт. *pajaŋ* 'много', поскольку отыскивали связи юкагирского языка с языками, распространенными к востоку от Урала (Крейнович 1958 : 71—72, 226). Однако Б. Коллиндер приводит параллели этому слову из языков, расположенных к западу от Урала, ср. фин. *paljo* 'много', мар. *pūlä* 'довольно много' и др. (Collinder 1940 : 85; 1965 : 157). Следовательно, в объяснении происхождения юкаг. *-pe-, -put* можно также идти к финно-угорским языкам.

Исключительно интересны материальные сближения показателей пространственных падежей, но они уже известны по работам Коллиндера, Ангерера, Тайера и нашим (Крейнович 1958 : 234).

Следует обратить также внимание на материальную близость самоназвания тундреных юкагиринов *wadul* (основа *wad- ~ wadu-*) и колымских юкагиринов *odul* (основа *od- ~ odu-*) с самоназваниями некоторых групп энцев *maddu ~ madu, samadu ~ somadu*, а также *мандо* — названием, которым ненцы именуют энцев (Терещенко 1965 : 227).⁸

Юкагирско-самодийские языковые связи (известные нам еще с 30-х годов) казались нам следствием древних контактов между этими народами. Однако после обнаружения в юкагирском двух этнических типов основ, аналогичных типам основ в самодийских языках, наше

⁷ В. И. Иохельсон не понял значения этого показателя, как и функции деноминативного *-mi-*, который считал фонетическим вариантом *-de-* притяжательного показателя 3-го лица. Этим он привел в недоумение Б. Коллиндера (Collinder 1940 : 43—44) и ввел в заблуждение И. Ангерера (Angere 1956 : 75—77). Притяжательный суффикс *-de-* не чередуется с показателем партитивного объекта *-me- ~ -mi-*.

⁸ В противоположность П. Хайду (Hajdú 1948—50 : 16—17, 76) мы полагаем, что самоназвание *maddu ~ madu* все же тесно связано с самоназванием *samadu ~ somadu*. Подлежит выяснению значение компонента *sa- ~ so-*.

отношение к этому вопросу изменилось. Сам по себе такой факт можно было бы отнести к случайным структурно-типологическим совпадениям, но при наличии материальных тождеств, дополняющих его, нельзя видеть здесь случайность.

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. II, Йошкар-Ола.
- Иохельсон В. И. 1900, Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, С.-Петербург.
- Крейнович Е. А. 1955, Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, VIII, Москва, 135—167.
- 1958, Юкагирский язык, Москва—Ленинград.
- 1968а, Способы действия в глаголе кетского языка. — Кетский сборник. Лингвистика, Москва, 75—138.
- 1968б, Юкагирский язык. — Языки народов СССР, т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, Ленинград, 435—452.
- Куприянова З. Н., Хомич Л. В., Щербакова А. М. 1961, Ненецкий язык. Ленинград.
- Матюшкин Ф. Ф. 1841, Собрание слов чуванского и омокского языков. — Ф. П. Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 г.г., ч. II. Прибавления, Санкт-Петербург, 115—125.
- Надькин Д. Т. 1975, К вопросу о мордовских глагольных основах. — Вопросы финно-угроведения, вып. VI, Саранск, 145—147.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, 1974, Москва.
- Серебренников Б. А. 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
- 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Терещенко Н. М. 1947, Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка, Ленинград.
- 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
- Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка, ч. I. Фонетика и морфология, Москва.
- Языки народов СССР, 1966, т. III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва.
- Angere, J. 1956, Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandtschaft, Stockholm.
- Bouda, K. 1940, Die finnisch-ugrisch-samojedische Schicht des Jukagirischen. — UJb. 20, 71—93.
- Ganschow, G. 1971, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen Nominalstämme. — СФУ VII, 239—250.
- Hajdú, P. 1948—50, Die Benennungen der Samojuden. — JSFOu LIV₁.
- Collinder, Bj. 1940, Jukagirisch und Uralisch, Uppsala (UUA 1940:8).
- 1965, Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. — Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. Nova Series 1:4, Uppsala, 109—180.
- Sauvageot, A. 1969, La position du youkaguir. — UAJb. Bd. 41, 344—359.
- Tailleur, O. G. 1959, Plaidoyer pour le youkaghir, branche orientale de la famille ouralienne. — Lingua, Vol. VIII 4, Amsterdam, 403—423.
- 1962, Le dialecte tchouvane du youkaghir. — UAJb. Bd. 34, 55—99.
- Uesson, A.-M. 1970, On Linguistic Affinity. The Indo-Uralic Problem, Malmö.

J. A. KREJNOVIČ (Leningrad)

ÜBER EINIGE JUKAGIRISCH-URALISCHE
SPRACHPARALLELEN

Auf Grund des neuen im Jahre 1959 unter den Tundra- und Kolymajukagiren von uns gesammelten Sprachstoffes gelang es, in der jukagirischen Sprache zwei Klassen von Stämmen festzustellen. Die Substantivstämme, die ein und denselben Vokal im Auslaut haben, aber zu verschiedenen Klassen gehören, bilden ihre Pluralformen, den Komitativ und die augmentativen Formen mit Hilfe eines der zwei Varianten irgendwelchen Suffixes, so auch die Stämme der transitiven und intransitiven Verben u. a. Einige von ihnen bilden ihre abgeleiteten Stämme und Wortformen mit einem Vokal im Auslaut, andere enden auf einen Konsonanten. Die Verbalstämme der ersten Klasse haben einen Vokal im Auslaut, die Stämme der zweiten Klasse gehen auf einen Konsonanten aus. Der Imperativ der Verben der ersten Klasse wird bei den Kolymajukagiren mit dem Suffix *-k* gebildet, die Stämme der zweiten Klasse aber bilden ihren Imperativ ohne Affixe (mit Hilfe des reinen Stammes). In der Sprache der Tundrajukagiren hat der Imperativ in den Stämmen der beiden Klassen das gleiche Suffix *-k*. Die für die jukagirische Sprache festgestellte Einteilung der Stämme in zwei Klassen hat ihre Analogie in den samojedischen Sprachen. Das Vorhandensein bedeutender materieller Annäherungen zwischen der jukagirischen und den samojedischen Sprachen und diese neu entdeckte typologische Ähnlichkeit bestärkt die Annahme, daß hier eine genetische Verwandtschaft zwischen diesen Sprachen so wie zwischen der jukagirischen und den anderen uralischen Sprachen vorliegt. Diese Ansicht wurde zum ersten Mal von Bj. Collinder geäußert und später von O. Taillieur unterstützt. Der neu gesammelte Sprachstoff gestattet es, uns jetzt dieser Meinung anzuschließen.